

У Сакуры было достаточно места для маневрирования, чтобы не зависеть от количества тел, но их было недостаточно, и слишком многие из них были способны использовать чакру для того, чтобы не использовать крыши в качестве преимущества. Она коротко и яростно позавидовала тому, кто мог бы использовать ниндзюцу, чтобы превратить улицы в кладбище за одну огромную трату чакры. Но даже если бы она убила себя, Сакура не смогла бы этого сделать, поэтому она не стала тратить энергию впустую, позволив ей улетучиться, потому что мир снаружи требовал всего её внимания.

Все было для нее вспышкой стали под солнечными лучами, тонким смещением, чтобы избежать встречного удара, напряжением запястий, когда она проводила клинками по плоти и ткани, а иногда и по кости. Она настолько влилась в ритм этого ужасного, безумного танца, что почти не осознавала, что пробилась к Тацуо, но он был рядом, эти изящные руки-убийцы наносили удары с быстротой, за которой было бы невозможно уследить, если бы она не видела мир глазами, усиленными чакрой. Их стили хорошо подходили для боя бок о бок: ни один из них не использовал ниндзюцу, у каждого была точность, экономность движений.

Третий член их отряда тоже был там, пытался вывести их из бойни, но в тот момент, когда он сделал крыши более искусными, пропавший нин нацелился на него. Он был таким же, как и остальные члены отряда Айхара-гайчоу: чунин, более чем компетентный, когда миссия шла только вкривь и вкось, но в данных обстоятельствах, при таких шансах, вопрос был только в том, скольких он укокошит, прежде чем падет сам.

Сакура услышала крики, когда увидела его в периферийном зрении, и поняла, что прибыл весь отряд. Какая-то часть ее души затрепетала от благодарности; остальная же думала, что они здесь для того, чтобы умереть, что правильным решением было бы отступить, доложить в деревню и позволить им прислать команду, способную справиться с этим. Поступила бы она так же? У нее не было времени на размышления, она просто продолжала убивать, вынужденная двигаться, потому что передвигаться по трупам становилось все труднее.

Голова раскалывалась, руки болели, кровь текла из полудюжины ран, которых она не успела избежать. По мере того как она уставала, настоящие шиноби выходили из-за щитов, чтобы расправиться с измотанной добычей, становилось только хуже. Это была хорошая тактика, если у тебя есть для этого желудок, и тебя не изматывают до полусмерти.

Ей было трудно сдерживаться, не реветь и не бросаться на них со всей силы, но это был путь к быстрой смерти, и она твердо решила, что если не сможет жить, то заставит их за это заплатить.

Тонкий, трусливый голосок в голове подсказывал ей, что она еще может выжить, если убежит сейчас. Эти отбросы, эти джоунины - никто из них не сможет догнать ее с ее скоростью. Она могла взять с собой Тацуо, могла попытаться сделать это в самом начале, но ей никогда не удалось бы вывести их отряд из четырех человек из-под удара. Тем более это было невозможно сейчас, и она с рычанием отбросила эту мысль, вгоняя нож в горло женщины, через крышу рта и дальше, туда, где находилось самое важное. В тот момент, когда она выдергивала нож из обвисшего тела, что-то привлекло ее внимание.

Она полуобернулась и увидела, как Тацуо опускается на колени. Это был тихий, отстраненный момент, когда казалось, что все звуки в мире исчезли, оставив ей почти идеальную тишину, в которой она наблюдала за его падением. Вены вокруг его глаз вздулись - в конце концов, он использовал бьякуган и, возможно, сам навлек на себя смерть. Он не выглядел ни испуганным, ни злым, только с напряженным сосредоточенным взглядом, который он надел, чтобы не признавать, как сильно болят его глаза. В какой-то момент она понадеялась, что он встанет, но тут он с болью повернулся к ней, и его шея была вся в крови и мясе, где сантецу его противника прочертило зияющий проход.

Все осторожные шаги Сакуры вдруг потеряли смысл. Грубо оттолкнув противника от себя с силой, усиленной чакрой, и почувствовав, как прогибается его грудина, она в одно мгновение оказалась рядом с Тацуо, убирая в ножны свои ножи и отчаянно воздевая бесполезные руки. Он исчез, и она с острой, кислой ненавистью посмотрела на его противника, который одарил ее злобной улыбкой и слизнул кровь Тацуо с острия своего сюнтецу, приглашающе протянув к ней руку. "Как мило", - неискренне ворковал он. "Уверен, ему будет приятно узнать, что ты равнодушна".

Сакура сцепила пальцы, забыв о том, что такое сражаться, чтобы убить, и сражаться, чтобы причинить боль. "Покажи мне, что ты любишь, - рычала Сакура, манипулируя чакрой, погружая неосязаемые когти глубоко в нервную систему своей цели, - позволь мне отплатить тем же и забрать это".

Это было вызывающее гендзюцу, воплощающее все его глубоко запрятанные страхи в ужасающих деталях, как романная версия флэш-фикшна, которым был "Адский просмотр" Какаши-сенпая. Гендзюцу можно сравнить со снами - сложные идеи, переданные за очень короткий промежуток времени, кошмары, написанные со скоростью мысли. Она не могла наслаждаться призраком, нужно было продолжать сражаться, убивать или быть убитым, но она почувствовала безжалостное удовлетворение, когда он начал умолять. И она позволила ему, позволила умолять, кричать и плакать, пойманному в ее гендзюцу, пока не положила голые руки на его горло и не стала давить большими пальцами, пока хрящи трахеи не разрушились и он не стал сначала красным, потом сливово-фиолетовым, а затем мертвым.

Ломая вещи, кости, людей, она вернулась к Тацуо, подобрала его разбитые солнечные очки и в последний раз закрыла ему глаза. На большее не было времени.

А потом она сделала то, чего не позволяла себе раньше, - бросилась на него с ревом, пока почти не смогла сделать вдох, почти не смогла поднять руки для следующего удара. Тогда она ненадолго укрылась, перебирая пальцами его солнцезащитные очки и чувствуя нарастающее онемение, поселившееся в животе. Зрение уже было нечетким, расплывчатым, а боль в голове почти не уступала боли в том месте, где кто-то вогнал изогнутый серп в ее бедро почти до сустава. С первой она ничего не могла поделать, зато смогла заклеить худшие раны, оставив лишь слабую, остаточную скованность.

Сакура медленно поднялась на ноги и сделала дрожащий вдох. Я не хочу умирать. Это не было откровением, ничего нового в инстинкте выживания, заставляющем животных отгрызать себе ноги в ловушках, чтобы пережить еще один день, заставляющем людей вставать с постели по утрам, даже когда не на что надеяться. Эта мантра помогла ей пройти через Гато, через

Орочимару, но иногда одной воли недостаточно, чтобы изменить мир.

Но она все равно вышла на солнце и сражалась до тех пор, пока мир не померк в тенях, а ее безупречный нож, никогда не предназначавшийся для использования с усиленной чакрой силой, не сломался на середине лезвия. Она отбросила его в сторону и впечатала кулак в чье-то лицо, сделав его изгиб вогнутым, когда череп рухнул под его силой. А когда она уже ничего не видела и ей оставалось только бить вслепую, она прижалась спиной к стене и продолжала бить, пока чья-то рука - огромная, потная ладонь, мозолистая и твердая - не разбила ее голову о стену.

Мир взорвался белой болью, рука вцепилась еще крепче, а потом она вообще ничего не понимала.

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3441109>